

Живет в Нью-Йорке (США). Визитная карточка участника.

Сказочка

Старуха жила на краю деревни,
на белом поле в виду оврага,
свое пристанище берендеево
обезопасив ценной бумагой.
Может, пустошь, а может, пустынь.
Старела достойно: сажала капусту,
читала Пруста (дань забытой моде),
и буквы пока на трубе сидели,
но все чаще скатывались по громоотводу.

И еще жужжал интернет у печки,
и зарубки-колечки цвели на пальцах:
расцветала роза родокрозита,
из глубин опала глядели лица.
Заложив страницу багряной лентой,
она СМС-ки с утра проверяла -
от других старух боевые сводки.
И другие старухи еще держались.
Так и зимовала в деревне белой,
где всего-то бед, что в ночи без лени
грызло крышу дружно семейство белок,
и всего-то страху, что дом по снегу
в направлении оврага делал шажочки,
пилигрим варикозный, в пупырышках ноги.
На нелепых старушечьих синих ножках.

Нет, наверно, бывало гораздо хуже
в дни, когда вьюжит и сносит крышу,
но с тенденцией домика перемещаться
стала что-то старуха окна бояться:
вдруг за ним поутру- ледяная пустыня
или чужой оазис с рассветом
возникнет?.. Старуха в постели стынет,
дом дрейфует, подталкиваемый ветром.
Ей важно понять механизм забвенья.
Настроенью послушна, молчит природа,
словно каменный лев, спит, на лапах морда.
Старуха колет лед для мартини,
в щель проруби опускает пальчик.
Rigor mortis выигрывает в три хода.
Прогон - беспамятство - был ли мальчик.

Разговор с сыном о смерти

Мы говорили о смерти позавчера,
и ты упрекнул:
"Как можно давать надежду
тем, кто вошел в категорию смертельно больных?
Твое вечное лицемерие, мам,
неуместный энтузиазм.
А если б тебе - осталось 24?"
...Думала весь день вчера.
И вдруг поняла- вчерне
я успела проделать то,
что входит в понятие "последние дела":
завещала органы,

быстро итоги подвела.
Кому-то - где-то - помогла,
посадила за домом вишню,
вырастила - как умела - тебя,
даже написала- пусть это все - ерунда,
а не книга,-
но пролепетала же миру какие-то слова?
А потому,
если 24 часа осталось,
я их, очевидно, проживу, как всегда.

Одиссей

Войну сворачивают.
Герой мечтает
О ванне, горячем ужине,
О легкой дороге домой
В первой же попутке-лодке.
В руинах всё, что хоть какой-то смысл имело
Разрушить - не оставить же врагу.
Хоть враг сейчас принижен до гуся,
Голодного мальчишки, попрошаек
Всех мастей, из разрозненных
Колод.
И воздух вражеский так холоден, так тонок -
Стреляется легко,
Несется звук.
Герой, конечно, вовсе не маньяк,
А исполнявший долг -
Когда державе
Успел он эти смерти задолжать?
Война, по сути, не ведется
Из-за Елен, гражданских прав, свободы.
Война стоит, как в горле ком, как Геркулесов столп,
Как памятник последнему пределу.
Победив и завершив войну,
Герой становится
Простым гусеубийцей.

[Страница автора в Сети](#)

